Приложение 2

ЖУРАВЛИНЫЕ КОРНИ

Тоскливо одному в избе и пуще того есть охота. А заслонку в печи и шевелить нечего: мама поставила кринку простокваши на творог. И чугунок на шестке пустой, остатки "трахмального" киселя я насухо выскреб.

Чего делать, куда пойти промышлять? Вороны и сороки яички свои давно запарили, сушеную картошку собирать боязно - всходы уже проклюнули и зеленым дымом окутали пашню. Если по водополице прогонял нас оттуда хромой бригадир Сано Кочненок и отбирал ведра с мерзлой картошкой, то сейчас живо потащит в сельсовет на глаза какому-нибудь уполномоченному.

Чего делать? Кольша с Нюркой в Пески ушли, дяде Василью дрова пилить. Поди, только завтра и воротятся домой...

И тут с заулка в окно бабушка побрякала и поманила меня за ограду. Выскочил я на крылечко и махом через заплот перепрыгнул. Обрадовался. Бабушка чего-то скажет.

- Что закручинился, Васько? Айда-ко на угор за пропиталом,- притянула она меня к себе.

- За каким, бабушка? Чо в лесу-то найдем? Кислетка не отросла, пиканов нету.

- А знаешь, что я надумала? Журавлиные корни испробовать на еду.

- Какие журавлиные корни?

- Дак я же показывала их тебе. Спомни-ко? Стебли-то тебе до пупа, с одной стороны листочки гребешком, такие сизоватые. А низом цветочки мелкие, бело-зеленые. Купеной правильно зовется. Ею, Васько, сколь людей лечила я. Ну, ревматизму, грыжу, поясницу и ишшо кое-что. А теперя ее на пищу бы попробовать.

- Счас, счас, бабушка! - кинулся я через заплот. В чулане взял корзинку, закрыл сени изнутри на жердь-запорину и был готов идти с бабушкой хоть куда.

...Май обсушил и обогрел землю, из нее прощипнулась и резво пошла в рост всякая трава. Расправлял-разглаживал мягкие морщины на первых лопушинах репей, фиолетовые ростки крапивы притворялись нежалючими, а щепотки полыни сразу заявляли о себе горьковатым духом. Уже не кололо босые ноги, подошвы ласкал загустевший конотоп - удивительно терпеливая и выносливая травка.

Спустились мы в подгорку к речке и на против Серофимьиного огорода бродком перешли на левый берег. Крутишка врезалась в тальниковые берега, но текла довольно хлестко, на поворотах и по намывам-запрудам сердито пошумливала, вертела-буравила свеженачатые в половодье ямины и омутки. Вода там была мутно-коричневой, выкруживала со дна ил и песок, отсеивала к берегам галечки и зернинки песка. Сюда же попадали посудные черепки, извитые раковинки и бледно-синие лепешки съедобной глины - "каменного масла".

Покуда бабушка оттирала ноги - вода студеная, и на суше у нее заломило суставы, - я копнул живой ворох песка, выудил плоские лепешки и тут же сунул в рот.

- Лампасейками угощаешься, - заметила бабушка. - Поешь, поешь на здоровье... Поискать бы чертовы пальцы. Из Степахиного ложка их кажну вешну намывает. Да некогда сёдни, журавлиные-то корни копать да рыть надо.

…Пересекли луговину, пока зыбко-сырую; пробрели болотинку с шубный лепень, где воды было уже тонко, и она, теплая, загустела закисавшей зеленью. За розовой красноталиной выбрались на дорогу и поднялись по ней на угор. Дорога не углажена, не укатана, и комочки сохлой грязи больно потыкивали необвыкшие подошвы. А уж за лето кожа до того задубеет - боярка не страшна. Ступишь в траве на сухие ветки, и только иголки захрустят. Нет, не проколоть им тогда наши подошвы. А сейчас на шиповник угоди, и то насадишь занозок. Потом после бани ковыряй их хомутной иголкой...

Но некогда оберегать ноги. Бабушка вон свернула с дороги под березы и осины, бумажно зашуршали пересохшие листья. Я побежал к ней и спугнул из вишняка задремавшую пташку-овсянку. Она с перепугу пискнула и шлепнула белую капельку на листок медуники. А когда села высоко на сучок и осмелела, стала разглядывать нас с бабушкой.

Мы ползаем на коленках вокруг стеблей купены, разгребаем сопревшие рыхло-бурые листья и роем землю. И там не вглубь, а вдоль тянутся узловато-белые, с тонкими ворсинками журавлиные корни. А за что их журавлиными назвали? Ага, вот весь корень целым откопал, и так он похож на длинную ногу журавля. Надо у бабушки спросить...

- Что тут сказать, Васько! Верно ты угадал. А мне моя бабушка говорила: журавли осенями в теплы края улетают, зиму переждать на чужбине. Земля-то родимая у них здеся. И чтоб воротиться весной, не заблудиться им, оставляют оне корни дома. Как прилетают журавли, так и корни оживают. Стебель-то вишь какой! Навроде перо журавлиное с правой стороны, а низом цветочки. Опосля ягоды нальются темно-синие. И как закурлыкают на отлете журавли, осыпаются оне на землю.

…Корней в корзинках все больше и больше. На них малыми медвежатами налетают шмели, кружат и недовольно ворчат-дундят. А муравьи дружной артелкой берутся за корешок, хотят утащить его обратно в землю. Непонятно им: зачем люди роют журавлиные корни?

- Отвозились мы с тобой, Васько, - смеется бабушка, когда снова переходим бродом речку. - Умоемся-ко...

Мы умываемся сами, ополаскиваем и корни.И потом торопимся домой. Уж завтра-то изведаем вкус журавлиных корней...

Утром мама парит на вольном жару журавлиные корни. И когда они разбухают и выпирают из ведерного чугуна, мама подхватывает его ухватом и вытаскивает на шесток.

Пробует: уварились ли?

- Мягкие. Иди, Васька, чисти и толки в ступке.

Я спрыгиваю с полатей и аккуратно чищу корни. Они вязко-липучие и белые-белые. И что-то знакомое напоминают... Перед войной тятя привез нам из города две буханки белого хлеба. Ели их в потемках, а в памяти остался светлый мякиш буханок. Так то был хлеб, а тут корни.

Скоро ли, скоро ли испекутся лепешки?.. Их на два листа хватило.

Попробовали пышные лепешки: вкусные и сытные. Ели и обжигались, запивали мелкими глотками холодного молока. А я радовался: нашли мы с бабушкой пропитание, не замрем до ягод и груздей. Но скоро после застолья всех нас слихотило и стало рвать. Я ползал у кладовки, стонал и харкался. Мама отпаивала нас молоком и твердила:

- Испробовали, и ладно. Живые, и ладно. А корни-то жабрея вредней.

Полегчало мне, и я прямо огородами побежал к бабушке. Она, бледная и вялая, лежала на нижнем голбце. Я слазал в яму за молоком, стал отпаивать бабушку.

- Охо-хо... - постанывала она. - Ревматизму, грыжу и поясницу лечила я купеней-то, а от голоду не годна она, Васько. Ядовита она. Дак испробовать охота было...

- Ничо, ничо, баушка, скоро кобыляк отрастет, кислетка и пиканы вырастут. Не замрем, правда?

- Не замрем, Васько, - приподнялась на голбце бабушка и так хорошо улыбнулась мне глазами и всеми морщинами. - А знаешь, что я ишшо надумала испробовать, а? Токо мотри, никому не говори...

Милая, милая моя покойная бабушка, Лукия Григорьевна... Как вовремя пришла на ум мне твоя просьба, а то уж с языка вот-вот и сорвалось бы, чего мы еще пробовали с тобой, какое "лекарство" искали. И не от хвори. Как-то и не хворалось нам тогда. А от голода. И нашли, не замерли...

А все же не забываются мне журавлиные корни. Вспоминаю, когда хожу лесами и вижу похожую чем-то на ландыш купену... И часто-часто моргаю, когда сентябрьское небо окликает меня журавлиными голосами. Они расстаются с родиной, а корни их остаются здесь. И мои корни тут же, где стала пухом бабушке родимая земля.